

Лидия
Обухова

**Вначале
была
Земля...**

1. Первое ЗНАКОМСТВО

Гжатск поражает простотой. Не то что он не очень осанист, как и многие провинциальные города, нет, в нем бросается в глаза именно простодушие, откровенная деревенская окраска течения его жизни. Хотя здесь есть филиал московского завода «Электросвет» имени Яблочкова, где работает брат Гагарина — Борис, да и другие предприятия, но лицо городка определилось с первых шагов узенькой заросшей кувшинками речкой Гжатью, по которой мальчишки-малолетки гоняли плоскодонную лодку, похожую на корыто, — и невольно подумалось, что и Юрий в свое время не миновал этой увлекательной забавы!

На крошечной площади, которую скорее можно было бы посчитать за перекресток, между двухэтажным райкомом из серого кирпича с оранжевыми наличниками и сквером с пятью скамьями, рядом с остовом церкви с почерневшими от пожаров последней войны жестяными куполами, водружен камень с именем Гагарина. Здесь будет памятник.

Новое название города тоже выразило признательность гжатчан своему удивительному земляку.

Гагарин уже мертв. Не ему было суждено оставить следы на чужой планете. Но отпечатков его на Земле очень много.

Город Гагарин — недавний Гжатск — лишен позы. Его естественность вызывает ответный толчок сердца. Не знаю, было бы на душе так грустно и так радостно, если бы приезжего встречали старательно одетые в камень тротуары, подстриженные газоны. Тогда, наверно, и Юрий Гагарин, несмотря на сто тысяч его фотографий, был бы в чем-то другим. Место, где человек ро-

дился и прожил детство, чаще всего продолжает хранить с ним странное сходство, необъяснимое словами.

Инструктор райкома партии Валентина Александровна Кайманова мне говорила, что гжатчане нежно относятся к Юрию, у его камня всегда лежат цветы. Иногда она видит из окна райкома, как ребенок или взрослый кладет свой букетик. Это не привозные, не купленные цветы, они меняются с временами года: голубые подснежники весной, желтые лютики на исходе мая, белые ромашки в разгар лета, темно-красные георгины и лиловые астры осенью.

Когда городу давали имя Гагарина, на митинге женщины плакали. Они плакали потому, что он уже погиб, и потому, что был так молод.

— Как будто вырвали наше сердце, — сказал, пригорюнившись, гжатчанин преклонных лет.

Его часто называли здесь «Юркой», как в детстве.

— Не надо спешить писать о нашем Юрке. Узнайте, почувствуйте, какой он был.

Изда Гагариных

И очень трудно попервоначально из этой похожести на всех других, на свой город, выделить его самого. Он не главенствовал, не выпячивался, а как бы вырастал из самой почвы, подобно зеленому дереву, которое вдруг оказалось таким неповторимым.

Как человек легенды, Гагарин принадлежал всем. Каждый из нас невольно придает ему черты того героя, которого носит в собственном воображении: любой имеет право на своего Гагарина. Так же, как у каждого есть свой Пушкин, свой Ленин.

Будучи его современниками, мы, наверно, еще не очень далеко отходим от истины. Но придется заранее примириться с тем, что следующий век переосмыслит его образ и напитает новыми психологическими мотивами.

Будут ли они тогда знать о реальном Юрии Гагарине больше, чем мы? Не знаю. Может быть.

Человек объемнее своей биографии, космическая глубина сознания приоткрывается медленно...

2. Родители

Анне Тимофеевне Гагариной около семидесяти. Она встретила меня у калитки. На ней черное в мелкую крапинку платье для ежедневного домашнего обихода; и волосы убраны на затылке в скрученный кренделек из светлорусой косы. В ушах круглые зеленоватые камушки.

То, как она говорила, сами ее крестьянские манеры, не лишённые настороженности и достоинства, выдают в ней женщину разумную, много передумавшую, усталую от жизни, которая вся стоит за ее спиной, как один год. И о муже она отзывается дружелюбно и сожалительно:

— Трудный он. И всегда был трудный. А уж после Юриной смерти подавно.

Анна Тимофеевна приехала девочкой из Питера, когда стало там немоготу большой семье при больном отце. Их деревенька называлась Шахматово, близ Клушина. А Клушино тогда выглядело знатным селом, со своими осенними, шумными ярмарками, с высокой нарядной колокольней. Колокольня эта потом служила ориентиром для дальнбойной артиллерии, которая была по немцам.

— То авиация бомбит, то орудия бьют, — вспомнила Анна Тимофеевна, перескакивая, как бывает в живом разговоре, сразу через несколько десятков лет. — Страшно было.

— Хорошо, что дети не помнят войну, — сказала я. Она возразила:

— Боре было пять лет, а Юре семь, они младшие, но все помнят. Страху натерпелись достаточно. У нас немцы долго стояли: они отсюда, с Гжатского языка, или клина, снова хотели на Москву идти, долго здесь держались. А уж как мороза трусили! У нас мальчишки терпеливее. А тут идет мужчина, офицер, а сопли распустит и даже не утирает. Противно смотреть!

В ее голосе прозвучала брезгливость русской крестьянки, по понятиям которой можно ходить босиком и простоволосой, но уже чистоплотность требуется соблюдать. И загорелая нога с гибкой небольшой ступней в такт словам постукивает по выскобленному полу.

Мать Юрия Гагарина — Анна Тимофеевна Гагарина

— А брали, что ни попадя! Я уж потом, бывало, наварю два чугуна картошки и выставлю на стол, чтоб не шарили, детей не пугали. Все хотелось их заслонить. Да не всегда получалось. У нас одно лето стоял Альберт, механик, они аккумуляторы заряжали. Так Юра с Борей ему песку в выхлопную трубу насыпали.

— Хорошо, что не поймал!

— Какое не поймал! Именно что поймал. Юра несколько дней потом в дом не шел, в огороде прятался, ночевал даже. Я ему и еду туда носила. Потом надоело мне это. Говорю: «Идем домой. Если озвереет немец, так я впереди, мне все и достанется». Упирается. Отцу говорю: «Прикажи ему. Нельзя же, чтоб ребенок жил на улице». Когда привела его через силу, Альберт только погрозил издали: «Юра никс хороший мальчик».

В семье Анны Тимофеевны, в девичестве Матвеевой, было четырнадцать детей. Живыми осталось пятеро. Старший брат умер уже двадцати трех лет. Был у него нарыв в горле, так и задохнулся. Мать упала без памяти. Девять дней пролежала, не приходя в сознание, умерла от разрыва сердца.

— Если б сиротой не осталась, я, может, и не вышла бы замуж в чужую деревню. Двадцати мне еще не сравнялось. Я ведь училась хорошо. Хоть и несколько классов кончила, а арифметику знала так, что всем своим детям помогала задачи решать. Только когда алгебру начали, я отступилась: алгебре меня не учили. Тогда в деревне мало было грамотных людей, и мое бы образование пригодилось, но муж был против.

— Что, ревновал или вообще не хотел, чтоб женщина занималась неженскими делами?

Она неопределенно пожала плечами.

— Он вообще с норовом. И Юре после шестого класса твердил, иди да иди в ремесленное. Сам плотник хороший и профессию выше всего ценит...

На этом нас и прервал Алексей Иванович Гагарин, явившись распояской, с непокрытой головой, заросшей седым ежином, и хоть пожал руку сухой маленькой рукой, но смотрел в сторону, раздосадованный моим вторжением. Был он невысок, с очень яркими синими глазами. Вопреки неприветливости, его внутренняя энергия и независимость, ревнивая любовь к памяти сына произвели на меня хорошее впечатление.

Часы пробили шесть. Низкое вечернее солнце светило в стеклянную стену этой парадной комнаты с

красной ковровой дорожкой, с огромными плакатными изображениями Юрия Гагарина, его фотографиями на полстены, цветными и черно-белыми, с чьими-то подарками — бюстиком Шевченко и лицейста Пушкина, а рядом с телевизором еще и старика с бородой со взглядом улыбчивым и близоруким, что было заметно даже в гипсе. Был он чем-то похож на Циолковского, калужского учителя, в общем, на человека из прошлых времен, и оказался отцом Анны Тимофеевны, питерским рабочим и революционером, так что, действительно, явственная печать девятнадцатого века на его облике не обманула. Слепок сделан недавно, по фотографии, ленинградским скульптором.

Глаза Анны Тимофеевны с мимолетной нежностью глянули в сторону отца. А еще она оживилась и заулыбалась, когда достала на прощанье фотографии домашние, обыкновенные, — и между ними младшего сына Бориса, его жены, самой Анны Тимофеевны с девочкой — первоклассницей в полной школьной форме. У внучки привлекательное, смышенное личико. Этот дом был не таким пустым, как показалось вначале. Жизнь продолжалась и в нем.

...На закате гжатские обугленные маковки приобрели живые изящные очертания. По пепельно-розовому небу к ним слетались птицы; в теплом воздухе носились звонкие выклики.

Почти левитановской стала и недвижная Гжать с единственным рыболовом на берегу. Почернели круглые листья кувшинок; воздух густел, густел и неприятно переходил в сумерки. Но еще долго вели свою вечернюю охоту ласточки!

Когда они выются высоко, это предвещает погожий день. С забубенным писком черным дождем падали сверху стрижи. Стрижи в самом деле как будто стригут небо; щелкают звонкие ножницы, и вот-вот посыплются во все стороны голубые лоскутья.

Нет, до чего же неугомонны здешние птицы! Их свиристенье, клекот, щебет, свист так и стоит в воздухе, хотя темнеет на глазах. Жалко расставаться с днем? День был простой, обыкновенный, щедрый и солнечный. Первый мой день на родине Гагарина.

3. Клушино в стародавние времена

Хотя в тот уже далекий мартовский день, клонившийся к вечеру, подернутые поволокой глаза еще безымянного малыша открылись впервые именно в Гжатске, но младенчество и раннее детство его прошли в селе Клушино. Там, где текла хлебопашеская жизнь нескольких колен предков, была и его родина.

Изда Гагариных стояла предпоследней на западной окраине села, неподалеку от большой ветряной мельницы. Сейчас ни этой мельницы, ни старого гагаринского дома нет. Клушино вообще слишком часто попадало на проезжую колею истории; разорение, пожары, войны то и дело перекраивали его внешний вид. Но окрестности мало изменялись.

Край здесь равнинный. Как яблоко по тарелочке катится взгляд по лугам и полям, натываясь лишь на пышные копны сена с перекрещенными вверху жердями, да на далекие, подобные разбредшимся муравьям, стада. Кустарник, травяные канавы, холмы, длинная полоса пыли по проселочной дороге — вот это и есть земля, над которой клубится облаками высокое как лоб великана небо.

Если отойти шагов на двести от огородов, встать посреди луговины в редких ромашках и бубенцах конского щавеля, приметив для ориентира иглистый куст чертополоха, то откроются сразу все четыре стороны света. И каждая будет приукрашена сиянием соответственно часу суток — рассветным или закатным, полуденным или полуночным.

Когда в августовском предвечерье, заслонив низкое солнце, облако на западе станет похоже на сизый дредноут — его восточный собрат, легкий белый парусник,

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66